

Украинский конституционный выбор

Юрий Рубан

Теме конституционной реформы посвящается сравнительно немного публикаций в украинских СМИ. Ни несколько Указов Президента Украины, ни упоминания о реформе в президентских обращениях к парламенту, ни состоявшееся заседание, назначенной тем же Президентом В. Януковичем Конституционной Ассамблеи, не активизировали тему в публичном пространстве. Обычно украинская власть и оппозиция детально и остро дискутируют о документах европейских организаций. Но в этом случае даже заключение Европейской Комиссии «За демократию через право» (Венецианская комиссия) о концепции создания и функционирования конституционной ассамблеи в Украине¹, не стало предметом широкого обсуждения. Любопытно, что на сайте украинской Конституционной Ассамблеи² нет ни ссылки на этот документ, ни тем более его перевода на украинский язык.

Разумеется, существуют вполне рациональные объяснения такой индифферентности.

Власть, декларируя необходимость конституционной реформы, не спешит раскрыть ее конкретное содержание и цели. Президент В. Янукович утверждал на первом заседании Ассамблеи, что «необходимость в реформировании Конституции Украины носит объективный характер»³, но никоим образом не объяснил эту объективность. Его тезисы о том, что сформированный им «состав Конституционной Ассамблеи даст возможность объективно сформулировать всенародную точку зрения» и что «легитимность конституционного процесса будет достигнута за счет широкой, открытой, профессиональной дискуссии»⁴ еще более усложняют понимание замысла.

Пока что можно уверенно говорить лишь о том, что создание Ассамблеи стало публичной реакцией власти на критику того способа, которым возвращено действие Конституции Украины 1996 года. Напомним, что решение Конституционного Суда об отмене изменений в Конституцию, действовавших в 2004-2010 году, стало объектом жесткой критики и в Украине, и в евро-

¹ Opinion on the Concept paper on the establishment and functioning of a constitutional assembly of Ukraine. (электронный ресурс, режим доступа [http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD\(2011\)002-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD(2011)002-e.pdf)).

² Электронный ресурс, режим доступа www.cau.in.ua, по состоянию на 03.11.2012.

³ Электронный ресурс, режим доступа <http://www.president.gov.ua/news/24550.html>.

⁴ Там же, режим доступа <http://www.president.gov.ua/news/24550.html>.

пейских структурах. О проблемности этого решения говорится в выводах той же Венецианской Комиссии⁵.

Тем не менее, нынешнее полномочие вполне устраивает Президента Украины и политические силы, на которые он опирается. Ведь возвращение к Конституции Украины 1996 года позволило нынешнему Президенту Украины сосредоточить в своих руках небывалый объем власти, выстроить ее «вертикаль», не подверженную влиянию каких-либо сдержек и противовесов. Разумеется, эксперты рассматривают несколько сценариев будущей реформы, от внесения изменений в отдельные статьи, до широкого пересмотра сущностных определений Украинского государства. Но при этом у власти нет политической необходимости спешить с выбором плана действий и его реализацией.

Оппозиционные политические силы, отказавшись от участия своих представителей в Ассамблее, явно избрали тактику ожидания. Оппозиция лишена сколько-нибудь значительного влияния на принятие решений и, разумеется, не связывает с конституционной реформой никаких надежд на повышение весомости своего мнения. Время от времени оппозицией озвучиваются предположения о том, что нынешний Президент намерен избираться на следующий срок в парламенте, а не на всенародных выборах. Для этого, дескать, ему нужны изменения в Основной Закон. Заявления Президента В.Януковича о том, что президентские выборы останутся всенародными⁶, не убеждают его политических противников. При этом никто из них не приводит реалистичного объяснения причин невозможности победы действующего Президента на будущих выборах в 2015 году. Между тем еще древние критиковали объяснения *ignotum per ignotius* – непонятого с помощью еще более непонятого.

Заметим попутно, что результаты парламентских выборов в октябре 2012 года скорее подтверждают слова В.Януковича. Список возможных кандидатов в президенты существенно расширился, резко усложнив задачу выдвижения единого кандидата от оппозиции. Возникла возможность качественно новых вариантов второго тура. Появился, пусть пока гипотетически, перспективный для власти вариант В.Янукович-О.Тягнибок. Власть пока что владеет стратегической инициативой в политической игре, единственный реальной угрозой для нее остается экономический кризис, но это отдельная тема.

Все, сказанное выше, может свидетельствовать скорее о стагнации конституционного процесса. Тем не менее, конституционный процесс в Украине раз-

⁵ Opinion on the Constitutional Situation in Ukraine adopted by the Venice Commission at its 85th Plenary Session, Venice (17-18 December 2010), (электронный ресурс, режим доступа [http://www.venice.coe.int/docs/2010/CDL-AD\(2010\)044-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2010/CDL-AD(2010)044-e.pdf)).

⁶ Электронный ресурс, режим доступа http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/02/25/n_2217477.shtml.

вивается. Для того, чтобы увидеть его признаки и оценить главные тенденции с точки зрения демократизации, необходимо сменить оптику. Предлагается отойти от нормативного подхода и внимательнее рассмотреть исторические тенденции этого процесса.

Первое. Важно разделять представление конституционных вопросов в политической и юридической коммуникации. Это разделение важно, ибо сам текст Конституции есть юридическим документом, то есть результатом применения концепций и подходов, исторически развитых правовой системой. Из этого следует специфика рассмотрения конституционных вопросов в особом юридическом поле. П.Бурдые определяет это поле как «место конкуренции за полномочия устанавливать право, на котором соревнуются агенты, которые владеют социально-признанной способностью интерпретировать совокупность законов, которые закрепляют легитимное, то есть правильное, видение мира»⁷. Для эффективной консолидации общества такая интерпретация, сформированная в юридическом поле, должна быть замкнутой, т.е. автономной по отношению к социальному, экономическому и политическому измерению. Именно к этому стремится юридическая теория и практика.

Проблема в том, что о конституционных вопросах высказываются политики, т.е. акторы совсем другого, политического поля. Именно поэтому П.Бурдые предостерегает: «используя авторитетное мнение как фактор социальной сплоченности, корпус интерпретаторов стремится подвести трансцендентальную основу под исторические формы юридического сознания и веру в продуцируемое ими упорядоченное видение социального строя»⁸. Поэтому для понимания украинского конституционного процесса недостаточно анализировать заявления по поводу предполагаемых формулировок конституционных норм. Необходим анализ широкого спектра политических позиций и действий.

Второе. Важной исходной точкой для анализа есть понимание невозможности научного решения политических проблем. Конституционные вопросы не являются исключением. Несводимость политики к науке/философии убедительно показывали М.Вебер и К.Шмитт, Ю.Хабермас и М.Фуко. История приводит множество примеров краха надежд на решение политических вопросов с помощью опыта ученых-конституционалистов. Как заметил М.Мазовер: «Хроника политических процессов в странах межвоенной Центральной и Восточной Европы, как правило, начинается принятием либеральных конституций, написанных при участии британских, французских и американских

⁷ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пьер Бурдые.- М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007, с.78.

⁸ Там же, с.80.

советников, и заканчивается поражениями демократий и установлением диктаторских режимов»⁹.

Тем не менее, в Украине политиками очень целеустремленно и настойчиво провозглашается задача написать текст Конституции как научно обоснованную гарантию общего блага. Например, бывший Президент Украины Л.Кравчук заявил: «Конституционная Ассамблея может написать, сформулировать – есть силы, есть знания, есть опыт, может сформулировать такой текст Конституции, изменений к Конституции, которые будут отвечать интересам украинского общества»¹⁰. Можно уверенно утверждать, что представление конституционного процесса в качестве поиска «научной обоснованности» тех или иных конституционных норм является просто коммуникационной PR-технологией.

Третье. Украинские политики используют в своих целях очень специфическое наследие советского конституционализма, его «утопическую» традицию. В политической коммуникации доминирует представление о Конституции, как об описании желаемой цели развития государства и общества, некоей постполитической гармонии в момент ее достижения. Как показывает А.Медушевский: «Такой квазиконституционализм является наследием советской конституционной традиции, в которой основной закон не описывал реальных механизмов и правил осуществления власти, а целенаправленно скрывал их за социально привлекательными нормами»¹¹. Например, во всех Конституциях СССР декларировалось всевластие советов, но содержание их норм было бесполезным для понимания реальных механизмов осуществления государственной власти лидерами КПСС. Да и само всевластие этой партии описывалась метафорой «ядра».

Этот же подход доминирует и в заявлениях украинских политиков. Только теперь достижение идеала предусматривается не с помощью общественной собственности на средства производства и руководства КПСС, а с помощью рыночной экономики и демократии. Множество норм действующей украинской Конституции фактически являются политическими заявлениями о намерениях.

Очевидно, что столь отличное от европейской практики представление конституционного процесса в качестве обетования «светлого будущего», является еще одной политической технологией. Анализ тезисов, представленных в рамках такого рода технологии борьбы за избирателя, не приближает к пониманию реального конституционного процесса.

⁹ Mazover Mark. Dark Continent: Europe's Twentieth Century / Mark Mazover. – NY: Vintage Books, 2000, p.38.

¹⁰ Кравчук: Конституційна Асамблея напише зміни до Конституції в інтересах суспільства – (электронный ресурс, режим доступа: <http://5.ua/newsline/179//78297>).

¹¹ Медушевский А. Размышления о современном российском конституционализме / Андрей Медушевский. - М. : РОССПЭН, 2007, с.121.

Аналитически более продуктивным представляется обращение к историческому опыту и пониманию конституционализма как политического процесса, встроенного в общий процесс демократизации. Например, Д.Норт, Д.Уоллис и Б.Вайнгаст¹² демонстрируют, что американский и европейский конституционализм развивался как продукт политики, как результат практики писаных и неписаных пактов политических элит, их желания минимизировать издержки от насилия в политической борьбе и гарантировать безопасность тех, кто потерял власть.

Таким образом, конституции становятся фиксацией договоренностей политических сил о правилах игры, и эти договоренности действуют до тех пор, пока сохраняется баланс сил. Венецианская комиссия в уже упомянутом заключении об украинском конституционном процессе предостерегает от одностороннего принудительного утверждения правил политической игры. Хочется надеяться, что украинские политики прислушаются к этому пожеланию. Но пока что в Украине конституционный процесс развивался не только через компромиссы, но и через политические конфликты и преодоление сопротивления оппонентов¹³. Для нас в исследовании важна не столько безукоризненность юридических форм, сколько направленность с точки зрения развития демократии.

В работах Ч.Тилли¹⁴, Д.Ачемоглу и Дж.Робертсона¹⁵ убедительно показано, что становление демократии в Европе не было исключительным и детерминированным следствием модернизации. В этом становлении присутствовали и неопределенность, и борьба элит, и уступки. *Но во всем многообразии путей исследователи выделяют три важнейших элемента демократизации: повышение подотчетности исполнительной власти перед избранным парламентом, всеобщее избирательное право, институционализация гражданских прав.*

Украинский конституционный процесс также можно рассматривать как борьбу вокруг этих составляющих.

В конце 2004 года на волне Оранжевой революции договоренность об ответственности правительства перед парламентом в духе демократического конституционализма была оформлена в виде конституционной реформы. Но

¹² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

¹³ Політична історія України. XX століття: У 6 т. (Редкол.: І.Ф.Курас (голова) та ін.). – К.: Генеза, 2002-2003

Т.6: Від тоталітаризму до демократії (1945-2002)/ О.М.Майборода, Ю.І.Шаповал, О.В.Гарань та ін. – 2003.

¹⁴ Tilly Charles. Contention and Democracy in Europe, 1650-2000/ Charles Tilly. - Cambridge, Cambridge University Press, 2005.

¹⁵ Acemoglu D, Robinson J. The Economic Origins of Dictatorship and Democracy/ Daron Acemoglu and James A. Robinson. - Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

эта ответственность была реализована лишь в очень ограниченном виде — как формирование правительства парламентским большинством (коалицией). Но в дальнейшем Премьер-министры В.Янукович и Ю.Тимошенко методично добивались всевластия руководимой ими исполнительной власти, превращая парламент в инструмент для достижения этой цели. Методы установления контроля над законодательной властью со стороны групп, преследующих свои политико-экономические интересы, издавна хорошо известны. Хроники британского парламентаризма XVII-XVIII веков, времен чередования у власти вигов Р.Уолпола и тори Г.Болинброка, изобилуют описаниями подкупа, давления, и судебного произвола в отношении тех, кто оппонирует власти.

Авторы американской Конституции, почти современники тех событий, сделали свои выводы из негативного опыта «приватизации» государственной власти влиятельными группами. В первую очередь, это были решения о необходимости реального разделения властей, создания системы «сдержек и противовесов» с целью ограничения возможностей узурпации всей власти победившей в ходе формирования правительства фракцией. О такой угрозе напоминал соотечественникам Д.Вашингтон в своем «Прощальном послании»: «Чередующееся доминирование одной фракции над другой, обостренное естественным для партийных противостояний чувством возмездия... само является ужасным деспотизмом. Но оно ведет к еще более прочному закреплению деспотизма. Нарастающие разброд и лишения подталкивают людей к мысли искать защиты и спокойствия у отдельной личности с абсолютной властью, и рано или поздно глава победившей фракции...обращает эту ситуацию на пользу собственного возвышения на руинах общественной свободы»¹⁶

В Украине события развивались именно так, как и предупреждал великий конституционалист. В 2008-2009 годах, в ситуации жесточайшего экономического кризиса, контролируемый правительством парламент не смог ни потребовать от правительства внятной антикризисной программы, ни даже сформировать сколько-нибудь адекватный государственный бюджет. В результате вся тяжесть кризиса, превратившая Украину в одну из беднейших стран Европы, легла на плечи наименее обеспеченных граждан. Украинский ВВП на душу населения составил в 2011 году 3,6 тыс. долларов США. Это приблизительно вдвое меньше, чем у самых бедных стран ЕС (Румынии и Болгарии) и в 3,5 раза меньше, чем в Польше¹⁷. Но при этом финансово-промышленные группы лишь нарастили свои богатства, о чем свидетельствуют, например, рейтинги *Forbes*¹⁸.

¹⁶ Washington's Farewell Address, Senate Document No. 106—21, (электронный ресурс, режим доступа <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/GPO-CDOC-106sdoc21/pdf/GPO-CDOC-106sdoc21.pdf>).

¹⁷ Электронный ресурс, режим доступа <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>.

¹⁸ Электронный ресурс, режим доступа <http://forbes.ua/ratings/1>.

Анализ мотивов и действий акторов украинского политического поля в той кризисной ситуации выходит за рамки данной статьи. Но результат их неэффективности неоспорим - идея подотчетности исполнительной власти перед парламентом утратила поддержку. Восстановление президентского всевластия не вызвало категорических возражений ни в обществе, ни среди политических сил. Нынешняя ситуация дает возможность избирателю хотя бы знать имя того, кто несет ответственность за состояние дел в государстве. Другое дело, что в условиях полной концентрации власти в руках Президента, шансы реализовать эту ответственность на выборах стремятся к нулю.

Нынешняя ситуация означает, что большинство политиков, представляющих и власть, и оппозицию, достигли конституционной договоренности о подчинении исполнительной власти президенту. В украинских условиях это означает всевластие лица, занимающего эту должность, а с точки зрения исторического опыта — значительный шаг назад на пути демократизации.

Что касается всеобщего избирательного права, то формально оно давно провозглашено и никем не оспаривается. Но конституционный процесс достижения договоренности власти и оппозиции и здесь имел место.

В первую очередь, украинский политический класс достиг консенсуса об отказе от апеллирования к улице, от призывов к массовой мобилизации. Даже некоторые легальные формы протеста, например забастовки, табуированы в доминирующем политическом дискурсе. К ним оппозиция не призывала даже в контексте ожесточенной полемики вокруг «языкового» закона.

Можно предположить, что в украинском политикуме опыт передачи власти под влиянием массовых протестов осенью 2004 года был оценен негативно. В ситуации распространяющихся по стране протестов против социальной политики власти («налоговый майдан», протесты пенсионеров, участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС), оппозиция совместно с властью проголосовала за закон о выборах в Верховную Раду, послав избирателям (и спонсорам!) четкий политический сигнал об отказе от намерений организовывать/представлять/возглавить эти движения. В избирательные списки от оппозиционных партий не были включены, так называемые, «полевые командиры» — политики, имеющие опыт организации массовых протестных акций (Т.Стецькив, В.Филенко, Р.Безсмертный). Совершенное властью исключение из политического процесса Ю.Тимошенко и Ю.Луценко, отказавшихся признать результаты прошлых президентских выборов, также лежит в русле этого ограничения влияния «улицы». Отметим, что оппозиция, протестуя против судебного преследования своих наиболее харизматичных лидеров, не отказалась от формирования правил парламентских выборов и участия в них.

Выборы в Верховный Совет осенью 2012 вообще стали возможны в результате договоренностей, касающихся избирательных прав граждан. Во-первых,

власть и оппозиция совместно внесли изменения в Конституцию, позволившие перенести их на один год. Во-вторых, власть и оппозиция совместно приняли закон, принципиально изменивший правила избирательного процесса. Эти договоренности, несомненно, можно рассматривать как результаты конституционного процесса.

Политическая наука использует предложенное Д.Сартори¹⁹ понятие конституционного дизайна – избирательная система и конституционные нормы рассматриваются как неразрывная система формирования, функционирования и ответственности власти. Ведь конституционные нормы о распределении властей и верховенстве права превращаются в пустой звук, если власть находит механизмы манипулирования результатами выборов. В украинском случае постоянные изменения закона о выборах в Верховную Раду означают практически непреодолимые препятствия для создания оппозицией парламентского большинства, способного осуществлять контроль над исполнительной властью. В свою очередь, это практически гарантирует сохранение всевластия Президента. Также эти бесконечные изменения сохраняют нынешнюю слабость политических партий, выгодного ограниченному кругу их публичных и непубличных руководителей.

Конечным результатом такого конституционного дизайна вполне может стать описанный, например, Х.Линцем²⁰ и Б.Магалони²¹ «электоральный авторитаризм». В государствах электорального авторитаризма выборы проходят, в них принимают участие оппозиционные кандидаты. Международное сообщество приветствует проведение таких выборов, связывая с ними надежду на продвижение к демократии. Для инвесторов они являются свидетельствами стабильности и повышают привлекательность вложений. Как утверждает Б.Магалони: «исключительно международный контекст принуждает авторитарных правителей играть по правилам электорального авторитаризма»²². Но власть десятилетиями остается в руках неизменных президентов и премьеров.

Секрет «стабильности» прост – правила выборов постоянно меняются. Политолог М.Богаардс²³ на материале истории африканских стран 1970-2000 годах детально проанализировал инструментарий такой неизменности при

¹⁹ Sartori G. *Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes*. - NY, New York University Giovanni Sartori Press, 1994.

²⁰ Linz J. *Totalitarian and Authoritarian Regimes* / Juan J. Linz. - NY, Lynne Rienner Publishers, 2000.

²¹ Magaloni Beatriz. *Voting for Autocracy. Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico* / Beatriz Magaloni - Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

²² Там же, с.11.

²³ Matthijs Bogaards. *Measuring Democracy through Election Outcomes: A Critique with African Data*. *Comparative Political Studies*, 2007, #40, pp. 1211-1237.

постоянных изменениях. Например, запрещаются блоки партий или изменяются проходные барьеры, причем изменения обязательно вносятся накануне выборов. Длительность избирательных кампаний сокращается, правила политической рекламы ужесточаются, а суды немедленно реагируют на минимальные признаки нарушений. Вследствие этого партии все время стартуют в новых условиях, а для оппозиции, ограниченной в ресурсах, это очень сложно. Партии организационно слабы, ибо для них не имеет смысла терпеливо развивать дорогостоящие организационные структуры. Самый экономичный способ их существования – группирование вокруг узнаваемых лидеров на короткое время избирательных кампаний.

Избирателю также сложно каждый раз переориентироваться в новом партийном наборе и практически невозможно защитить результат своего волеизъявления при подсчете результатов. Слабость политических партий оставляет его один на один с мощным аппаратом власти. В результате оппозиция проигрывает и так повторяется снова и снова.

Для становления организационно развитой и способной к генерированию эффективных политик партийной системы, необходима стабильная избирательная система. Поэтому в демократических странах правила выборов меняются нечасто и очень осторожно. Например, в Великобритании вопрос о внесении важного изменения в избирательный закон был в 2011 году вынесен на референдум. Предыдущий референдум состоялся в 1975 году и касался вступления страны в Евросоюз. Таков сравнительный вес стабильности правил выборов.

Украинские политики достигли конституционной договоренности, касающейся избирательных возможностей (и прав) граждан, хотя это решение вступает в противоречие с европейским опытом демократии.

Не менее важной стороной вопроса о роли конституционного процесса в утверждении демократии является создание эффективных гарантий гражданских прав. Опять-таки, обратимся к истории. Как показывают уже упомянутые работы Ч.Тилли, Д.Норта, Д.Уоллиса и Б.Вайнгаста, процесс демократизации в США и Европе может рассматриваться как ограничение рисков для всех участников борьбы за власть, от лидеров политических сил до рядовых избирателей. Именно в рамках создания конституционных гарантий безопасности для участников политического процесса появилась идея конституции как текста, четко отвечающего на вопрос «Откуда берется власть?». Снижению рисков для участников политической борьбы служило получение/передача власти исключительно в конституционном порядке, рассмотрение всех споров, связанных с борьбой за власть в независимом суде и подчинение его решениям. Позднее из этой политической прагматики развилось важнейшее для демократии понятие верховенства права.

В Украине судебное преследование Ю.Тимошенко, Ю.Луценко и других оппозиционеров нанесло удар по процессу создания гарантий политических прав и свобод. Независимо от содержания конкретных обвинений, судебные процессы неминуемо приобрели политическое измерение, поставив под вопрос безопасность всех политиков, в том числе представителей нынешней власти, после проигрыша на выборах. Результатом стала поляризация политических сил и повышение жесточестности в борьбе за власть по сравнению с периодом 2005-2010 годов. Парламентские выборы это продемонстрировали. Зависимая от исполнительной власти судебная система, не пользующаяся авторитетом в разделенном обществе, бессильна обеспечить верховенство права в политическом противостоянии.

В этой ситуации большое значение будет иметь позиция политических сил относительно важного массива гражданских прав — социальных прав и их конституционных гарантий. Здесь опять-таки важны не заявления и не формулировки неких статей Конституции, а распределение потерь разных слоев населения в ходе приближающегося экономического кризиса. Очевидно, что согласие оппозиции на уменьшение уровня социальных гарантий, зафиксированных в действующем Основном Законе, отказ от взаимодействия с протестными движениями, приведет ее к неспособности реально влиять на конституционный процесс. В этом случае действующий Президент сможет навязать политическому классу и обществу свой процесс, направленный на фиксацию режима личной власти.

Шанс избежать такого сценария появляется лишь при возвращении в конституционном процессе к тем составляющим процесса демократизации, которые проверены европейским опытом. Здесь очень важна роль оппозиции, ее готовность пересмотреть те позиции, которые уведут в сторону от поиска массовой демократической поддержки. Необходим прагматичный подход, который позволит реализовать одну из рекомендаций, которыми Венецианская Комиссия завершает свои выводы: «Только реальный консенсус между всеми политическими силами и гражданским обществом на основании хорошо сбалансированной, целостной и понятной конституционной реформы обеспечит легитимность новой Конституции и политической системы в Украине»²⁴.

Юрий Рубан — политолог, директор Национального института стратегических исследований при Президенте Украины (2005-2010), президент благотворительного фонда «Велька Родына», г.Киев.

²⁴ Opinion on the Concept paper on the establishment and functioning of a constitutional assembly of Ukraine. (электронный ресурс, режим доступа [http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD\(2011\)002-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD(2011)002-e.pdf)).

Ukraiński konstytucyjny wybór

Jurij Ruban

Głównym zadaniem artykułu jest pokazanie fasadowości reform konstytucyjnych na Ukrainie. Autor uważa, że obserwowane centralizacja władzy i wzmacnianie tzw. „wertykału”, które dają prezydentowi Wiktorowi Janukowyczowi nieograniczone uprawnienia, odbywają się za zgodą opozycji. Post-pomarańczowi wykazali się również indolencją przy zmianie ordynacji wyborczej przed wyborami parlamentarnymi w październiku b.r., Wszystko to świadczy o istniejącym konsensusie między władzą i opozycją, którego ofiarą pada zarówno idea, jak i praktyka demokratyzacji państwa.

Aby dostrzec oznaki rozwoju i móc ocenić najważniejsze tendencje procesu konstytucjonalnego, z punktu widzenia demokratyzacji, autor proponuje odstąpić od podejścia normatywnego i uważniej przeanalizować historyczne tendencje tego procesu.

Po pierwsze – ważne jest, aby odzielić pojęcie problemów konstytucyjnych w ramach komunikacji politycznej i komunikacji prawniczej. Sam tekst Konstytucji jest wynikiem stosowania koncepcji i podejść rozwiniętych historycznie przez system prawny. Z tego wynika specyfika rozpatrywania pewnych problemów konstytucyjnych na polu prawnym.

Ukrainian Constitutional Choice

Yurii Ruban

The article's main task is to show the façade character of constitutional reforms in Ukraine. The author believes that the observed centralization of power and consolidation of the so-called “vertical system” which gives president Janukovych unlimited powers, is taking place with consent of the opposition. The post-Orange Revolution circles have also shown indolence when the voting system was changed before the October elections. All above mentioned is evidence that a consensus exists between the authorities and the opposition, which affects both the theory and practice of democratization within the country.

In order to recognize and to be able to evaluate the most important tendencies of the constitutional process from the point of view of democratization, the author suggests a withdrawal from the normative approach and to instead carefully analyze the historical tendencies of this process.

Firstly – it is important to separate the notion of constitutional problems between the frameworks of political and legal communication. The text of the constitution is a result of the usage of concepts and approaches, historically developed by the legal system. The result is a specific method of analyzing certain constitutional problems on the basis of their legal grounds.

Po drugie - na Ukrainie politykom, którzy charakteryzują się bardzo silnym nastawieniem na realizację wytyczonych celów i wytrwałością, przyznaje się zadanie napisania tekstu Konstytucji, jako naukowo uzasadnionej gwarancji ogólnego dobra. Autor twierdzi, że przedstawianie procesu konstytucyjnego jako poszukiwania „zasadności naukowej” tych albo innych norm konstytucyjnych staje się niczym innym niż komunikacyjną technologią PR.

Po trzecie - Ukraińscy politycy w realizacji swoich celów wykorzystują dziedzictwo konstytucjonalizmu radzieckiego i jego „utopijną” tradycję. W komunikacji politycznej dominuje pojmowanie Konstytucji, jako opisu upragnionego celu, jakim jest rozwój państwa i społeczeństwa. Widoczne jest, że tak odmienne od praktyki europejskiej, przedstawianie procesu konstytucyjnego, jako obietnicy „świetlanej przyszłości”, staje się jeszcze jedną technologią polityczną.

Autor opisuje formułę konstytucji obowiązujących w krajach zachodnich, gdzie ustawy zasadnicze stanowią utrwalenie porozumienia pomiędzy różnymi siłami politycznymi dotyczącego reguł gry. Porozumienia te obowiązują tak długo, jak zachowywana jest równowaga sił.

Obecna sytuacja na Ukrainie oznacza, że większość polityków, reprezentujących zarówno rząd, jak i opozycję, osiągnęła konstytucyjne porozumienie w kwestii podporządkowywania władzy wykonawczej prezydentowi. W warunkach ukraińskich oznacza to wszechwładzę osoby, będącej na tym stanowisku,

Secondly – in Ukraine, politicians who are strongly goal-oriented and persistent, are given the task of writing the constitution’s text – as an academically justified guarantee of their being for “the overall good”. The author admits that the presentation of the constitutional process as a method of seeking “academic legitimacy” for these or other constitutional norms has become nothing more than “communicative PR technology”.

Thirdly – Ukrainian politicians use the heritage of Soviet constitutionalism and its “utopian” tradition in order to realize their goals. In political communication, the notion defining the constitution as a description of a desired goal – which is development of the state and society – prevails. It is obvious that, with such a different approach from the European practice, presenting the constitutional process as a promise of the “bright future” becomes yet another “political technology”.

The author presents the Western constitutional formula, where the primary statutes become a fixed framework of agreement between different political powers concerning the rules of the game. These agreements stay in force as long as the balance of power is maintained.

The present day situation in Ukraine means that most politicians, representing both the party in power and the opposition, have reached a constitutional agreement about subordinating executive power to the President. In Ukrainian conditions, this means absolute supremacy of whoever is in power and from the historical point of view – a step backwards along the path towards democratization.

a z punktu widzenia doświadczenia historycznego - znaczący krok do tyłu na drodze demokratyzacji. Ukraińscy politycy osiągnęli porozumienie konstytucyjne, dotyczące możliwości wyborczych (i praw) obywateli, chociaż decyzja ta przeczy doświadczeniom europejskiej demokracji.

Jednym z ważniejszych problemów przywoływanych przez autora jest duża zależność od władzy wykonawczej ukraińskiego systemu sądownictwa, który nie cieszy się autorytetem w podzielonym społeczeństwie i okazuje się bezsilny w zagwarantowaniu rządów prawa w procesie konfrontacji politycznej.

W tej sytuacji duże znaczenie będzie odgrywać stanowisko sił politycznych w stosunku do ważnych filarów praw obywatelskich - praw społecznych i ich gwarancji konstytucyjnych. W tym miejscu autor po raz kolejny podkreśla, że ważne są nie oświadczenia i nie sposób sformułowania poszczególnych artykułów Konstytucji, lecz rozłożenie strat pomiędzy poszczególne warstwy społeczne w obliczu zbliżającego się kryzysu ekonomicznego.

Ukrainian politicians have reached a constitutional agreement concerning citizens' electoral possibilities (and rights), despite the fact that this is in contradiction with the European democratic experience.

One of the serious problems mentioned by the author is a strong dependency on the executive power of the Ukrainian judiciary system – which does not enjoy respect in a divided society and turns out to be helpless in guaranteeing the rule of law within the process of political confrontation.

In such a situation, key importance will be placed on the position of political forces towards crucial pillars of civil and social law, as well as their constitutional guarantees. Here, once more, it is not the declarations nor the stipulations of particular articles of the constitution that are important, but the resolution of economic difficulties felt by different social groups in the course of the approaching economic crisis.